

Реконструкции

Одним из важнейших средств оживления фактов и гипотез по истории текста служит реконструкция текста произведения на одном из этапов его жизни. С помощью реконструкции текстолог в известной мере может проверить свои предположения, сделать их наглядными и удобовоспринимаемыми. Конечно, реконструкция только тогда заслуживает внимания, когда она учитывает все факты, связанные с историей текста, и когда она обоснована (само собой разумеется, хотя бы с относительной степенью достоверности) во всех своих частях. Если реконструкция использует в о з м о ж н о с т ь в большей степени, чем необходимость, — она относится к области художественного творчества, а не научного. Таких художественных реконструкций (особенно окончания незаконченных авторами произведений) известно немало.

Понятие реконструкции требует разъяснения и в другом. Можем ли мы называть реконструкцией текста, как это иногда делается, освобождение его от случайных описок, с которыми сопряжено научное издание текстов определенных типов? Я думаю, что это было бы неправильно. Ведь самое понятие текста, как мы уже видели, требует, чтобы текст был осмыслен (по крайней мере в самой элементарной степени). Простой набор букв не будет текстом. Не входят в понятие текста и случайные описки писца. Переписчик мог даже не заметить своих описок; они не явились плодом его воли, его понимания текста. Поэтому всякое издание текста требует его освобождения от описок — установления текста в том виде, как его понимал переписчик. Следовательно, освобождение текста от описок не есть еще реконструкция. Это обязанность издателя, но не реконструктора. К понятию реконструкции вполне подходит то, что говорит И. Э. Грабарь о «восстановлении». И. Э. Грабарь пишет: «В понятии “реставрации” необходимо различать два момента — момент ремонта и момент восстановления»¹.

Может все же возникнуть вопрос: не является ли ремонт одним из видов восстановления здания, а отдельные исправления в тексте — не приближают ли они текст к первоначальному и не являются ли они, следовательно, хотя бы элементами реконструкции текста?

Несомненно, что исправление описок в подавляющем большинстве случаев восстанавливает не только тот текст, который намеревался писать переписчик дошедшего до нас списка и в котором сделал ошибку, но также и тот текст, который был и до него; однако задачей этих исправлений отнюдь не является восстановление тех этапов развития текста, которые были до того, как писец стал их переписывать.

Дело в том, что реконструкцией текста может быть только реконструкция определенных этапов в развитии текста. Не может быть рекон-

¹ Игорь Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 гг. — В кн.: Вопросы реставрации, сб. I. М., 1926. С. 7.

структур вообще без определенных представлений о том, что именно реконструируется, какой этап истории текста решено восстановить. При этом каждый этап в развитии текста есть нечто цельное, законченное, пронизанное единой волей своего создателя. Если редактор текста, в отличие от автора, и не проявил себя во всех элементах своего текста, то во всяком случае он выбрал в нем несколько наиболее существенных элементов, которые решил изменить. Если мы производим частичную реконструкцию, а другие части текста не восстанавливаем или соединяем их с текстом, принадлежащим к другому этапу его истории, то мы тем самым создаем текст, который никогда не существовал, фактически лишаем текст его общего смысла, единой целенаправленности, которую ему придал автор или составитель той его редакции, которая реконструируется.

В издании текста по существу текст остается текстом списка, но только освобожденным от особенностей палеографических и случайных, невольных описок переписчика. Перед реконструктором же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст (исходный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправным — это неважно), а на основании точного изучения истории сохранившихся текстов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного этапа его истории, его текст по содержанию, его языковые формы и т. д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления (так поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановление, заменяя иногда по различным соображениям понятный и ясный текст более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, в его состав, содержание, идейную сторону, изменяя языковые формы и т. д. Реконструируя памятник, приходится по большей части не «снимать» «напластования», «наслоения» и исправлять ошибки, а восстанавливать древний текст какого-то одного и притом в полне определенного этапа в жизни памятника.

Мы уже отмечали в предшествующих главах, что неправильно думать, будто памятник приобретает в различных списках и редакциях только «искажения», ошибки, «напластования» и «наслоения», т. е. живет якобы только путем механических изменений, которые могут быть механически же удалены путем легкой хирургической операции. В основном, в своих наиболее глубоких изменениях, дающих новые этапы в жизни памятника, текст развивается в результате целенаправленных, целостных изменений, изменений взаимосвязанных, совершающихся путем замен, изменений, перестановок, сокращений, дополнений по всему тексту, вносимых в него его переписчиками и редакторами. Ошибки, ошибки, конечно, в изобилии вносятся в памятник, но роль их в появлении новых этапов в жизни памятника, как мы уже говорили (с. 82), не так велика, как роль тех изменений, которые вносятся в памятник под влиянием новых идейных и стилистических требований, органически и целостно изменяющих состав памятника и его текст.

Только сознательные изменения приводят к образованию новых редакций; механические же изменения этих новых редакций составить не могут.

Реконструкция ставит перед собой задачу восстановления всей идейной и стилистической сути определенного этапа в жизни памятника. Научное же издание текста исправляет только механические изменения, проникшие в текст в течение его жизни. Издание реально дошедшего до нас текста ни в коем случае не вносит в него идейных и стилистических изменений. Между тем мы видели, что определенные этапы в жизни памятника (его редакция) определяются именно идейными и стилистическими изменениями, а отнюдь не механическими искажениями и напластованиями.

Отсюда ясно, что удаление механических изменений, которое допускается в критическом издании памятника, по самому существу своему не способно восстановить, реконструировать какую-либо из предшествующих редакций памятника, крупных этапов в истории его текста. Удаляя механические изменения в тексте памятника, мы можем восстановить авторский текст или текст какой-либо редакции только в том случае, если издаваемый в критическом издании текст уже, по существу, представляет собой именно этот авторский текст или именно этот текст редакции, но только искаженный отдельными механическими изменениями. По существу, этим способом ничего не реконструируется.

Вместе с тем, если в разнотениях критического издания можно оговорить все изменения основного текста и характер произведенных исправлений механически измененного текста может быть ясен читателю без особых пояснений, то пояснить «исправления» сознательных изменений текста в обычных разнотениях, помещенных внизу страницы, нельзя, да и называть их «исправлениями» также невозможно. Реконструкции текста должно предпосылаться особое исследование, в котором и должны оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу реконструкции.

Принципиальное различие между реконструкцией и научным изданием реально дошедшего до нас текста заключается еще и в следующем. Ошибочность исправляемых в издании чтений может быть доказана. Может быть доказана и необходимость исправлений. В реконструкциях же текст восстанавливается в отдельных частях с разной степенью вероятности. Восстанавливаются и такие чтения, правильность которых может быть доказана, и такие чтения, которые просто должны заполнить образующийся при реконструкции «вакuum текста» и предположительность восстановления которых смущает иногда даже наиболее самоуверенных реконструкторов.

В реконструкциях надо восстанавливать и язык памятника, а это самое опасное, что только может быть в работе по реконструкции памятника. Напомню, что именно на языке восстанавливаемых средневерхненемецких памятников больше всего обнаружилась несостоятельность реконструкций, созданных К. Лахманом и его школой. Реконструкторы исходили из гипотезы

существования в период расцвета рыцарской поэзии в Германии особого средневекового литературного языка, отличного от местных диалектов. Диалектные особенности списков К. Лахман считал их «индивидуальными особенностями», и поэтому в своих реконструкциях снимал их, унифицировал язык, восстанавливал, как он думал, первоначальную языковую форму. После того как Герман Браун в 70-х годах XIX в. доказал, что общего средневерхненемецкого литературного языка не существовало, реконструкции Лахмана были признаны негодными для пользования.

Не менее сложные проблемы лингвистического характера возникают и при реконструкциях древнерусских текстов. Одна из самых слабых сторон реконструкции «Повести временных лет» А. А. Шахматова — это ее «гипотетический», искусственный древнерусский язык. Реконструкция А. А. Шахматова «Повести временных лет» неприемлема для нас прежде всего с точки зрения ее языка. А. А. Шахматов затратил очень много усилий на то, чтобы восстановить язык «Повести», но восстановил его, само собой разумеется, согласно тем представлениям, которые он сам имел о литературном языке начала XII в. Не следует забывать, что проблема языка встает перед каждым реконструктором, если его реконструкции претендуют на некоторую законченность.

Реконструировать текст, не учитывая возможных его языковых особенностей, свойственных тому времени, к которому исследователь его относит, — значит искусственно создавать текст, который заведомо не мог существовать. Реконструкция памятника XIV в. в формах языка XVI или XVII в. — нелепость. Между тем, конечно, реконструкция языка памятника или необходимость учитывать его языковые изменения — самое трудное, что стоит перед каждым реконструктором.

Реконструкции имеют очень большое значение в деле научной интерпретации источников. Но реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создавшим. Они конкретизируют его положения, иллюстрируют их, дают возможность будущим исследователям удобно ссылаться на выводы своего предшественника. Документальный же текст памятника должен существовать независимо от того, кто его опубликовал. Реконструкции «приходят и уходят», двигая вперед изучение текста памятника, но сам реально дошедший текст памятника в его списках остается незыблемым.

Итак, из всего сказанного ясно принципиальное и резкое различие между изменениями, вносимыми в текст списков при реконструкции, и изменениями, вносимыми в текст списков в научном издании.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, как бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей правильности она ни внушала ее составителю, — всегда гипотеза, точность которой может быть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим самым реконструированным текстом. Но в этом последнем случае реконструкция перестает уже быть реконструкцией.

Общий протограф
псковских летописных сводов

Устные
показания

Свод 1486 г.

Синод. 1486 г.
деф. (XV в.)

Архив. 1-й 1481 г.
деф. (конца XVI в.)

Свод 1481 г.

Тихан. 1469 г.
(XVII в.)

Свод 1547 г.

Основной
протограф 1547 г.

Новг. 5 летоп.

Обол. 1636 г.

Царск. деф (XVII в.)

Новгор.
4 лет

Погод. 2-й 1547 г.
(кон. XVI в.)

Акад. 2-й
1547 г. (XVIII в.)

Материал общерусск.
свода

Архив. 3-й деф.
(XVII в.)

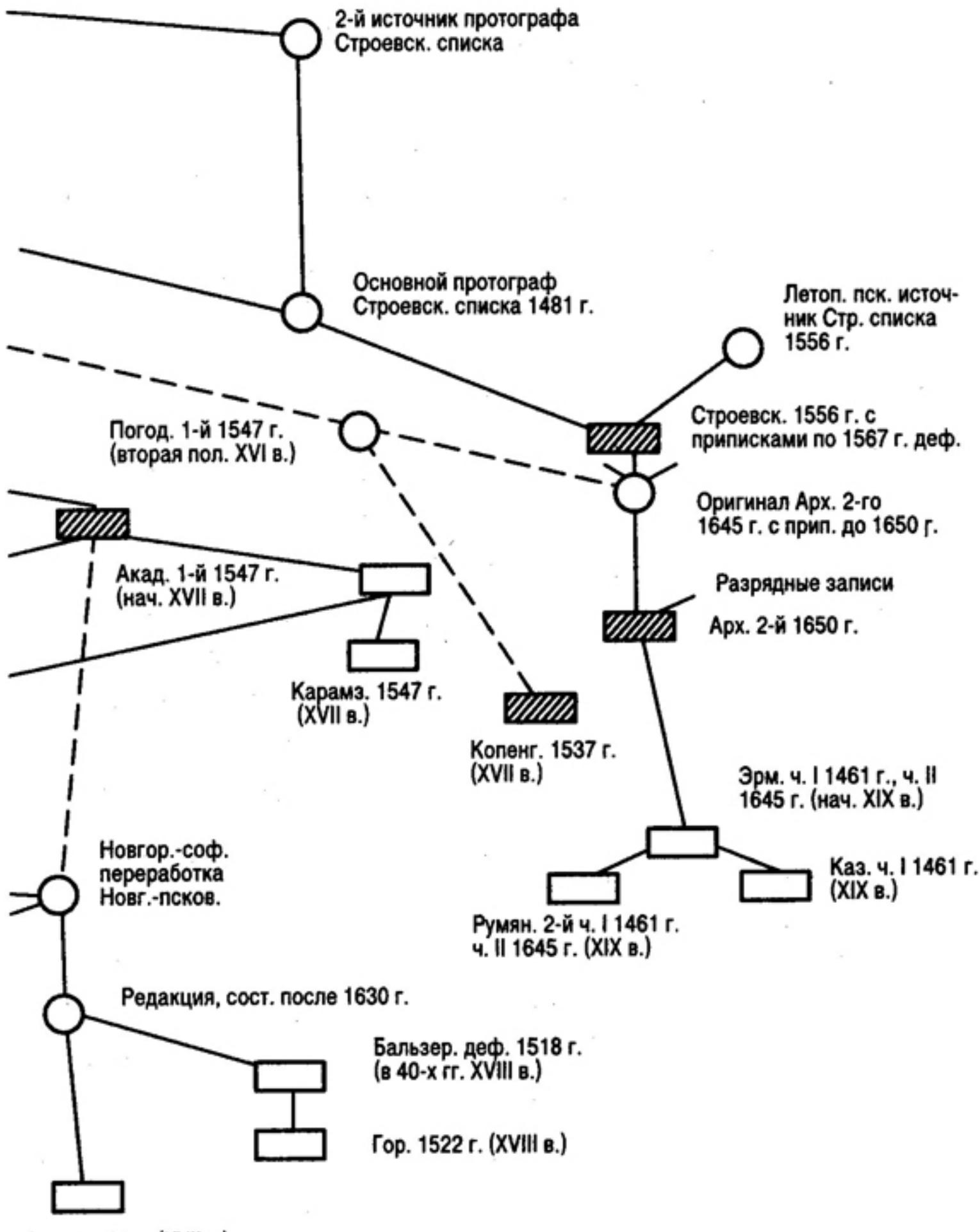
Снегир. 1676 г.
сост. в нач. XVIII в.

Типогр. 1584 г.
(XVIII в.)

Рум. 1-й 1629 г. (XIX в.)

Схема летописных памятников Пскова из книги Псковские

Объяснения к стемме А. Н. Насонова. «В настоящей таблице указаны все известные ского 1-го и Архивского 2-го. Четырехугольниками обозначены дошедшие до нас летописи. Затушеван летописей (выпуски 1 и 2). Вслед за названием указан год, на котором кончается летопись. В скобках дан значены линии связи, для точного определения которых нет достаточных данных. Сокращение «деф.» пу списков, представляющих Псковскую 1-ю летопись. Внизу указана, как особая группа, новгородско-

летописи, вып. 1. Приготовил к печати А. Насонов, М.; Л., 1941. С. LXIII.

мне списки, кроме Уваровского, представляющего собой компиляцию, составленную в XIX в. из Архивными четырехугольниками обозначены списки, привлеченные к настоящему изданию псковских век или год, когда сделан список, если до нас дошел не первоначальный экземпляр. Пунктиром обозначает «дефектный». Слева видим Синодальный список: Псковскую 2-ю летопись. В центре – группой софийская переработка. Слева – группа списков, представляющих Псковскую 3-ю летопись.

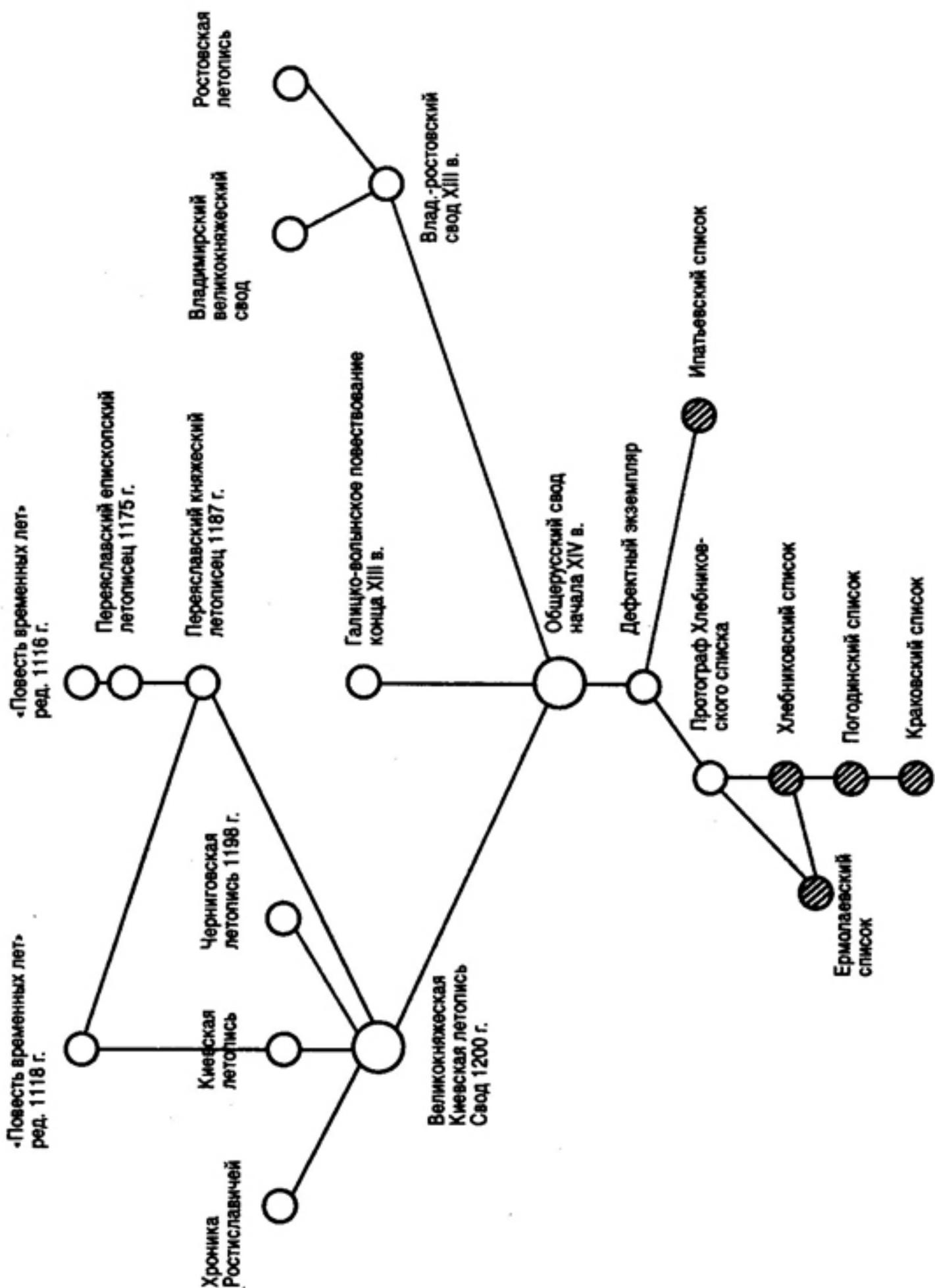

Схема Ипатьевской летописи согласно М. Д. Приселкову (см.: История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940, с. 56).

О том, что задачу публикации следует строго отличать от задачи восстановления первоначального текста (т. е. от реконструкции), пишет и один из лучших советских текстологов А. Н. Насонов. Вот что говорится у него об издании Псковских летописей в IV томе «Полного собрания русских летописей», где издатель смешивает разные списки, произвольно «переходит от одного списка к другому: одну фразу берет из одного списка, другую из другого и т. п.; иными словами, предлагает текст, в сущности, несуществующий».

«Возможно, что при этом, — пишет А. Н. Насонов, — издатель имел в виду дать первоначальный текст. Восстановление предполагаемого, не дошедшего до нас текста можно дать только в результате особого рода большой и сложной исследовательской работы; задачу, которую ставит себе подобного рода работа, не следует смешивать с задачей публикации дошедшего до нас материала (ср. шахматовское издание “Повести временных лет” 1916 г.)»¹.

Только иногда возможно соединить задачи издателя подлинного текста и издателя реконструкции. Я имею в виду те случаи, когда подлинный текст и реконструкция действительно могут совмещаться, а не вытеснять друг друга: в реконструкциях утраченных мест документов (берестяных грамот, актов, известных только в одном списке, и т. п.). Здесь совмещение чисто механическое, издательское. Реконструированный текст, поскольку это позволяют утраченные части подлинника, можно печатать вместе с этим последним («впритык»), набирая их различными шрифтами, но можно печатать и отдельно: по существу, в реконструкции и в подлиннике от этого ничего не меняется и между собой они не смешиваются.

Допустимы также такие совмещения текстов, при которых утраченная часть списка с соответствующей оговоркой восполняется по другому списку². Такого рода восполнения текста не являются, по существу, его реконструкцией.

*

В старых изданиях средневековых и античных текстов задачи издания реально дошедшего до нас текста постоянно смешивались с задачами реконструкции архетипа или же авторского текста. Зависело это от тех представлений, которые существовали по истории текста у текстологов школы К. Лахмана. Считалось, что единственno достойный издания текст — текст авторский или близкий ему (если не совпадающий) текст архетипа. Переписчики только портят этот авторский текст. При этом все переписчики лишены творческого отношения к тексту, они его не исправляют, не вкладывают

¹ Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. V.

² См. издание Я. С. Лурье текста первого послания Грозного Курбскому в книге: Послания Ивана Грозного / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., 1951.

в него своих идей. Никаких этапов в своем развитии текст не имеет. История текста — это история постепенной порчи текста оригиналов. У каждого переписчика при этом перед глазами только один оригинал. Следовательно, восстановление авторского текста или его архетипа может совершиться путем простой замены испорченных чтений правильными¹. Если чтений несколько, то отбрасываются «индивидуальные» чтения — чтения одного списка.

Поскольку этапы в развитии текста отсутствуют, можно восстанавливать авторский текст или архетип текстов частично или полностью, можно даже «приближать» текст к авторскому путем частичных замен «испорченных» чтений и отбрасывания чтений «индивидуальных».

Задача реконструкции авторского текста была основной задачей филологической критики и публикаций школы К. Лахмана. Надо удивляться упорству, остроумию, колossalности затраченного труда реконструкторов текста, воспитанных К. Лахманом, его учениками и учениками его учеников. Поиски авторских чтений в рукописях приобретали порой характер мании и наводнили филологические и исторические работы различного рода реконструкциями, к которым мы сейчас можем относиться только с улыбкой, несмотря на то что выполнялись они на основе строго методических приемов, продуманных и единообразных. Одна из важнейших заслуг А. А. Шахматова была в том, что он показал значение как исторических источников промежуточных этапов летописания. М. Д. Приселков показал значение как исторических источников последующего (не «авторского») текста ханских ярлыков, их собраний как полемического орудия против нестяжателей². Л. В. Черепнин абсолютно убедительно показал, что изучение истории текста документа в различных архивных собраниях вскрывает в нем новую сторону как исторического источника³.

«Сводные тексты» (И. И. Срезневского, Н. С. Тихонравова и др.) именно и были теми «приблизительными» реконструкциями «авторского» текста, а по существу произвольными компиляциями из различных чтений отдельных списков — компиляциями, которые зиждятся на представлениях о том, что только «авторский текст» представляет ценность, а все последующие этапы истории текста этой ценности не имеют, так как якобы памятник претерпе-

¹ Последователь К. Лахмана А. С. Лаппо-Данилевский так определяет задачи «критики текста»: «Задача критики текста состоит в том, чтобы по возможности восстановить его подлинный вид в первоначальной его чистоте, что, разумеется, иногда сводится лишь к тому, чтобы возможно более приблизиться к ней... Критика текста характеризуется особого рода приемами: главнейшие из них состоят в принятии известного чтения, а в случае нужды, и в его исправлении» (А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, ч. I. Теория исторического знания. СПб., 1910. С. 579–580).

² М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

³ См. об этом в моей рецензии на I и II тома «Русских феодальных архивов» Л. В. Черепнина: Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1952, т. IX, № 3. С. 300–304.

вает только постепенную и механическую порчу в руках его последующих переписчиков, в связи с чем является возможность удалить эту порчу путем выбора из разных чтений «лучших» и отсеивания индивидуальных особенностей списков. С точки зрения составителей «сводных» текстов, отдельные этапы в истории текста памятника не дают ничего качественно нового, цельного и законченного, а потому можно текст позднейших списков «приблизить» к «авторскому тексту» путем отдельных выборок из других реально сохранившихся списков.

В основе этих представлений лежало два убеждения: 1) весь текст архетипа целиком может быть собран по частям из отдельных списков и 2) подлинность получившегося в результате такого рода компиляции текста определяется подлинностью тех элементов, из которых компиляции слагается. Оба убеждения, конечно, ложные, так как первое не учитывает возможности исчезнувших звеньев в истории текста, а второе опровергается тем обстоятельством, что — как бы ни были близки между собою отдельные списки — они обычно все же разновременны, дают разные тексты и отдельные разнотечения их следует учитывать в их целом. Простая сумма подлинных частей (но не всех и не одновременных) не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиляции из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние тексты, соединения различных чтений из различных списков, разрушение цельности текста путем частичных восстановлений и улучшений текста не являются реконструкцией. Издание реконструкций типа «сводных текстов», представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков, — давно пройденный этап в развитии русской науки.

Реконструкция должна быть гипотетическим восстановлением с троюго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипотетичности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить если не реально дошедший до нас текст, то тот текст, который мог реально существовать.

Если же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь «приближающий» нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит создавать компилятивный текст, который аргумента никогда не существовал и не мог существовать, — текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника, это значит, иными словами, придерживаться антиисторических принципов издания текста.

Создание текстов, «приближенных» к авторскому путем исправления отдельных чтений, невозможно не только потому, что реальное движение текста отнюдь не постепенно и равномерно, а совершается от редакции к редакции скачкообразно, причем на отдельных этапах развития текста отдельные чтения взаимосвязаны идеальными и художественными (если они есть) задачами переделывателя, но и потому еще, что на поздних этапах развития текста, как уже было сказано, могли отразиться самые древние и даже авторские чтения. Переписчики не только имели перед глазами один-един-

ственный протограф (оригинал) — они очень часто «сводили» различные тексты (отсюда летописные своды), соединяли старые и новые редакции, проверяли новые тексты по старым (в Древней Руси известны даже специальные поиски «добрых» и «полных» летописцев, особенно ценившихся) и т. д. Отсюда в отдельных чтениях (особенно «индивидуальных») новых текстов могли отразиться чтения авторские, архетипные и т. д. Это обстоятельство постоянно учитывается, например, историками русского летописания. Оно хорошо известно западноевропейским филологам, работающим с текстами классических и средневековых памятников.

*

Работа по реконструкции памятников необыкновенно сложна. Однообразный, раз и навсегда выработанный подход, применение однообразных, шаблонных методических приемов — основное зло критики текста вообще, а тем более в такой сложной работе, как восстановление утраченных этапов истории текста произведения.

Строгие, выработанные, методические приемы восстановления текстов мало что могут дать, так как сам процесс движения текста отнюдь не механический и однообразный, а живой, сложный, творческий, тесно связанный с идеологией переписчиков, с классовой борьбой и общественными движениями своего времени. Именно однообразие приемов, создавая иллюзию строгой научной методичности, на самом деле вводит произвол и субъективизм в восстановление текстов. И это отчетливо видно на судьбе многочисленных реконструкций памятников средневековья и классической древности, созданных на основе продуманных и методически аккуратных приемов К. Лахмана и его школы. В том-то и была ошибка старых текстологов, что во всех случаях они предполагали один, и притом далеко не сложный, ход развития текстов. История текста античных авторов разрабатывалась в течение многих сотен лет, но по мере того как пески Египта приносили за последние 50–60 лет все новые и новые открытия папирусов с текстами античных произведений, становилось ясно, что история их текста была гораздо сложнее, чем предполагалось исследователями, и многие реконструкции, в том числе и такие методически точно разработанные реконструкции, как реконструкции К. Лахмана, рассыпались, как карточные домики. Основная ошибка исследователей, реконструировавших античные тексты, именно и заключалась в том, что они слишком механически применяли все одни и те же методические приемы работы с текстами, не считались с возможностью исчезновения огромной массы списков, отдельных редакций, недооценивали недостающие звенья, слишком доверяли себе. Приходится пожалеть о колоссальном, поистине египетском труде, затраченном на реконструкции, тогда как этот труд мог бы быть с гораздо большей пользой употреблен на издание реально дошедших текстов — текстов, которые только и могут считаться документами, источниками.

Для восстановления текста надо очень ясно представить себе авторов, редакторов, переписчиков. — их мировоззрение, их психологию, созданную исторической действительностью. Необходимо учитывать требования «канцелярий», где эти тексты создавались или переделывались, требования заказчиков (когда он были), возможные противоречия между заказчиком и исполнителем — противоречия, создаваемые самим мировоззрением исполнителя, его политическими идеями и бессознательными устремлениями. Тот исследователь, который лучше всего сможет себе представить все это на основе всего имеющегося конкретного материала, тот и будет иметь наибольшие шансы к самому убедительному восстановлению текста.

Изучение истории текстологии ясно показывает недолговечность всех изданий реконструкций и долговечность всех изданий документов, по преимуществу дипломатического типа.

Издания реконструкций классических и средневековых памятников К. Лахмана и его учеников давно признаны «длинным рядом фальсификаций». Никого не могут привлечь к себе и реконструкции «Нибелунгов»¹ и «Слова о полку Игореве», предложенные немецким исследователем Э. Сиверсом². Разве не подтачивает время даже такие великолепные реконструкции, как реконструкции А. А. Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят незыблально и будут служить еще много десятилетий.

Завидная самоуверенность адептов школы К. Лахмана сменилась сейчас в разных областях текстологической работы осторожностью исследователей, для которых фантастика гипотез начала постепенно уступать место фактической стороне дела.

Необходимость резко отличать издания реальных текстов от изданий реконструкций все решительнее осознается сейчас и в наиболее значительных работах западноевропейских ученых по текстологии.

Итак, издание реально дошедших до нас текстов следует отличать от научных реконструкций. Эти научные реконструкции должны основываться на современных представлениях об истории текста памятника. Они должны реконструировать вполне определенные этапы в жизни памятника — этапы, связанные с историей идей, в нем отразившихся, с историей всего общества.

*

Примеры конкретных реконструкций, которые мы приведем ниже, ясно показывают, что ни одна реконструкция не может претендовать на полную достоверность и точность. В той или иной степени все реконструкции приближены

¹ Впрочем, фрагмент этой реконструкции, вызвавшей у себя на родине весьма скептические отклики, почему-то напечатан Н. С. Чемодановым: Хрестоматия по истории немецкого языка VIII—XVI вв. М., 1953. С. 96—104.

² *Eduard Sievers. Das Igorlied. Leipzig, 1926* (реконструкция «Слова о полку Игореве» на с. 25—55).

ны, состоят из элементов большей или меньшей достоверности и напоминают строительство из блоков, взятых из различных комплексов. Во всякой реконструкции перед нами, в сущности, макет.

Обратимся к наиболее известным реконструкциям, выполненным крупными учеными на основании многолетних занятий памятником. Прежде всего об известной реконструкции текста «Повести временных лет», осуществленной А. А. Шахматовым. Первый том этой реконструкции был завершением многолетних исследований, которые А. А. Шахматов начал в самые молодые годы.

В центре всех летописных исследований А. А. Шахматова была «Повесть временных лет». Поздним летописанием А. А. Шахматов занимался по преимуществу в связи с изучением судьбы текста «Повести» в поздних летописях. Онставил перед собой задачу, которую до негоставил себе А. Л. Шлецер: восстановление летописного текста «Нестора». Но какое большое различие! А. Л. Шлецер «очищал» текст «Повести временных лет» от «позднейших ошибок» путем анализа отдельных разнотений и выяснения в каждом отдельном случае, без связи с другими, какое разнотение должно быть признано древнейшим. В противоположность А. Л. Шлецеру А. А. Шахматов прежде всего стремился установить историю текста «Повести временных лет» на основе установления генеалогических связей всех дошедших до нас списков летописей. Реконструкции текста «Повести временных лет» А. А. Шахматов предположил грандиозную работу по восстановлению всей картины истории русского летописания до XV в. включительно. В результате для своей реконструкции А. А. Шахматов смог привлечь все списки «Повести временных лет» — в той или иной степени. Если он и отвергал некоторые списки, то у него были к тому достаточные основания, почерпнутые в установленной им истории летописания.

Далее, А. А. Шахматов не просто восстанавливал «авторский» первоначальный текст «Повести временных лет» Нестора, как это пытался делать А. Л. Шлецер, — он устанавливал этапы развития текста «Повести временных лет» — ее редакции, затем предшествующие ей своды. Каждый из этапов развития «Повести временных лет» он пытался реконструировать отдельно.

Занятия А. А. Шахматова «Повестью временных лет» протекали следующим образом. Еще при подготовке к магистерским экзаменам, в 1887–1890 гг., А. А. Шахматов занимается «Повестью временных лет». Ей же была посвящена одна из его двух пробных лекций по окончании экзамена (в 1890 г.). Своих занятий «Повестью временных лет» А. А. Шахматов не прерывает и впоследствии; через семь лет он публикует ряд детальных исследований по древнейшему русскому летописанию. Но уже в 1900 г., стремясь охватить историю летописания на всем ее протяжении, он публикует свое знаменитое исследование «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.». С тех пор А. А. Шахматов работает над рядом частных вопросов, охватывающих все русское летописание в целом и направленных, в конечном счете, на изучение всех списков «Повести временных лет». Результатом этих работ явился его

обширный труд, подготовивший собой появление его реконструкций — это «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшие в свет в 1908 г. Всю жизнь А. А. Шахматова сопровождал и другой труд: большой том рукописных материалов по изучению поздних летописных сводов, содержащих текст «Повести временных лет». В 1938 г. этот труд был частично издан М. Д. Приселковым под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»¹. Таким образом, реконструкция текста «Повести временных лет», появившаяся в свет в 1917 г. (листы ее были отпечатаны в 1916 г., но обложка издания помечена 1917 г.), была подготовлена с необыкновенным размахом. Характерно, что второй том его реконструкции, увидевший свет в т. IV «Трудов Отдела древнерусской литературы» в 1940 г., мог также рассматриваться как подготовительный: в нем с необыкновенной тщательностью были проанализированы все источники «Повести временных лет», что было очень важно, как мы увидим несколько ниже, для восстановления текста «Повести». Были реконструированы затем предшествующие «Повести временных лет» своды: древнейший Киевский летописный свод 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородский свод 1050 г. с продолжениями до 1079 г.²

В реконструкции текста «Повести временных лет» А. А. Шахматов стремился к максимальной достоверности текста, произвел ряд частных исследований памятников, с которыми «Повесть временных лет» была связана. При всем этом А. А. Шахматов признал текстуальное восстановление первой недошедшей редакции «Повести временных лет» или отдельно второй (Сильвестровской) и третьей (Киево-Печерской) редакции невыполнимым. Поэтому текст «Повести временных лет» дан одновременно в обеих последних

¹ «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» представляет собою труд справочного характера, созданный А. А. Шахматовым для себя, для своей работы. В нем А. А. Шахматовым даны материалы по истории текста важнейших сохранившихся русских летописных сводов. «Обозрение» было начато А. А. Шахматовым в самом начале его изучения летописей. Он расширял и пополнял его всю жизнь, внося поправки и целые новые главы. А. А. Шахматов обращался к текстологическому материалу глав «Обозрения» как к своего рода справочнику. Каждый раз, приступая к большому обобщающему труду по истории русского летописания, А. А. Шахматов подвергал некоторому пересмотру и дополнениям рукопись «Обозрения». Так было при написании «Общерусских летописных сводов XIV и XV вв.» в 1900—1901 гг., так было в 1907—1908 гг., в связи с работой над «Разысканиями», так было, наконец, и в 1914—1917 гг., в связи с выпуском I тома «Повести временных лет». Мысль о «Повести временных лет» никогда не оставляла А. А. Шахматова при работе над любым памятником летописания: большинство глав «Обозрения» после изучения и анализа того или иного памятника заканчивалось анализом находящегося в нем текста «Повести временных лет». К сожалению, при издании «Обозрения» только первые 5 глав сохранили свои окончания, посвященные «Повести временных лет», остальные были отброшены редактором — М. Д. Приселковым.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 537—629.

редакциях. Распределение текста между обеими редакциями сделано условно и неполностью: статьи, читавшиеся только в третьей (последней) редакции, показаны в печати с отступлением вправо, но несомненно существовавшие исправления в тексте третьей редакции сравнительно со второй в издании не показаны, так как задача эта не могла быть решена с полной достоверностью. На полях текста А. А. Шахматов отметил источники «Повести временных лет». Но из реконструируемых самим А. А. Шахматовым древнейших предшествовавших «Повести временных лет» сводов указан только один — Начальный: весь текст, предположительно восходящий к нему, набран в издании особым шрифтом.

В основу своей реконструкции А. А. Шахматов положил Лаврентьевский список. Текст последнего, тем не менее, признается А. А. Шахматовым обладающим множеством дефектов и отступлений от текста второй (Сильвестровской) редакции, так как многие особенности Лаврентьевского списка, вместе с группой близких ему списков, а также многие общие с ним места в Ипатьевской и близких ей списках восходят, по концепции А. А. Шахматова, к Владимирскому своду начала XIII в.

Эти общие места, восходящие к Владимирскому своду начала XIII в., трудно определимы, а потому и не могут быть устраниены. Это главное препятствие к восстановлению одной из последующих редакций «Повести временных лет» — второй или третьей.

Что касается отдельных чтений, то древнейшие чтения есть как в Лаврентьевском списке, так и в Ипатьевском.

«Итак, — пишет А. А. Шахматов, — для второй редакции основным списком избран Лаврентьевский, но все остальные списки принимались по возможности во внимание при исправлении этого основного источника. Равным образом Лаврентьевский список принят за основной при восстановлении тех статей третьей редакции, которые внесены в него из подсобных источников; в основание же статей третьей редакции, не читающихся в Лаврентьевском, положен список Ипатьевский. Текст статей второй редакции, опущенный в Лаврентьевском вследствие утраты листов..., восстанавливается по Радзивиловскому. Отдельные фразы, опущенные в Лаврентьевском по недосмотру, равно как отдельные слова, восстанавливаются иногда по Радзивиловскому, иногда по Ипатьевскому, а также в редких случаях по другим спискам»¹. В приведенной выдержке важно, что речь идет все время о пропусках по недосмотру или вследствие утраты листов, т. е. о явных дефектах, но не о замене худших чтений лучшими. Последнюю текстологическую операцию, столь частую во многих наших изданиях текстов, выполненных по старым принципам, А. А. Шахматов не считал возможным допустить даже в реконструкции. А. А. Шахматов пишет далее: «Сопоставляя текст Лаврентьевского, а для третьей редакции и Ипатьевского списка с текстом других летописных сводов, я по общему правилу решился на исправление

¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Пг., 1916 (1917). С. LIX.

основных списков только в крайних случаях (явные пропуски, явные искажения); сомнительные случаи я толковал в пользу основных списков. Но несомненно, что это правило не выдержано мною последовательно, и я уступал нередко впечатлению от видимого лучшего чтения подобных списков, заменяя этими «лучшими» чтениями чтения списков. Ставлю себе в вину эти уступки, но пересмотр исправлений отлагаю до следующего издания¹. Из последних слов А. А. Шахматова совершенно ясно, что возможность замены «лучшими» чтениями чтения основного списка в тех случаях, когда эти чтения не заключали в себе явных дефектов, совершенно им отвергалась.

Довольно спорными в работе А. А. Шахматова были сверка и восстановление некоторых мест «Повести временных лет», заимствованных из различных известных произведений, по древнейшим текстам этих произведений. Так, заимствования в «Повести временных лет» из Хроники Амартола сверены и исправлены им (конечно, только в явно дефектных местах) с текстом перевода Амартола в списках Московской духовной академии № 100 и Уваровском XV в. № 966. При этом приняты во внимание и заимствования из Амартола, читающиеся в древнейших списках Еллинского летописца. Части Хронографа, восходящие к Хронике Иоанна Малалы, сверены с изданием I и II книги Малалы, приготовленным В. М. Истриным. Привлечены к исправлению текста Иудейский хронограф, Житие Мефодия по списку XII в. Успенского собора, Житие Василия Нового (по изданию А. Н. Веселовского); тексты пророков сверены с соответствующими местами «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона по Мусин-Пушкинскому списку, Исповедание веры, предложенное Владимиру, — по изданию его Троицкого списка XII—XIII вв. Похвала Владимиру сверена со списками обычного жития Владимира. Привлечены были также А. А. Шахматовым «Сказание об убиении Бориса и Глеба» по списку XII в. и по Сильвестровскому сборнику XIV в.

Обращался А. А. Шахматов и к «Киево-Печерскому патерику» по изданию Д. И. Абрамовича. «Поучение о казнях божиих» сверено со списками Златоструя XII в., статья о перенесении мощей Бориса и Глеба — с соответствующим текстом Успенского сборника XII в., заимствования из «Откровения» Мефодия Патарского — с изданиями этого «Откровения» В. М. Истрина и Н. С. Тихонравова. Были произведены А. А. Шахматовым и другие сверки и сличения.

Вопрос о допустимости таких сверок весьма спорен, так как в руках у составителей «Повести временных лет», возможно, были далеко не лучшие списки тех сочинений, отрывки из которых они включали в свой текст. Следовательно, для исправлений основание должно было черпаться не из того факта, что текст «явно испорчен», а из того, что текст «явно испорчен позднее» составления основных редакций «Повести».

Реконструкция А. А. Шахматовым текста «Повести временных лет» заслуживает самого серьезного внимания. Она помогает конкретно представить выводы А. А. Шахматова по истории древнейшего русского летописа-

¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». С. LXII.

ния, но было бы глубоко ошибочным воспринимать эту реконструкцию за издание текста и пользоваться ею как историческим источником. Вот что писал А. А. Шахматов в рецензии на книгу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» (СПб., 1913) по поводу попытки последнего использовать его реконструкцию в качестве исторического источника: «Автор (т. е. М. Д. Приселков. — Д. Л.) должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русскою летописью, между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом настолько далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский или Ипатьевский списки, излагая события X и XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему предположительному чтению»¹.

Несколько другой характер в связи с другими исходными материалами носит реконструкция сгоревшей во время Московского пожара 1812 г. Троицкой летописи самого начала XV в., выполненная М. Д. Приселковым. Так же как и А. А. Шахматов, М. Д. Приселков работал над своей реконструкцией очень долго. Он предложил ей ряд очень важных и глубоких исследований летописания XIV в. и только после многих колебаний в отдельных вопросах, колебаний, отразившихся даже непосредственно при написании введения к своему изданию, он смог предложить своим читателям нечто вроде макета текста сгоревшей рукописи. Реконструкция М. Д. Приселкова, так же как и реконструкция А. А. Шахматова, не давала законченного текста, это — подборка текстов по содержанию: текстов достоверных и текстов, близких к тексту Троицкой летописи по данным истории летописания. Сам М. Д. Приселков писал о своей реконструкции: «Реконструкция не есть реставрация. При наличии наших данных нет никакой сейчас возможности ставить задачу восстановления памятника начала XV в. во всех подробностях его состава, изложений и чтений. Мы можем, как было сказано выше, собрать в нем два рода материалов, весьма неравнозначенных. Первый род материалов — достоверные куски подлинного текста, в отношении которых могут быть колебания или неуверенность только в смысле орфографии или данных языка. Второй род материалов — это разной степени достоверности другие куски того же погодного повествования Троицкой летописи, определяемые путем различного рода разысканий и соображений. Вот почему вся работа по реконструкции текста Троицкой летописи предлагается читателю в наборе двух шрифтов: один более крупный на протяжении всего реконструированного текста означает подлинные куски текста Троицкой летописи, дошедшие до нас как таковые или как таковые достоверно определенные, а другой шрифт, менее крупный, также на протяжении всего реконструированного текста означает предполагаемые куски изложения Троицкой летописи, кото-

¹ Научный исторический журнал, 1914, № 4. С. 45. (Разрядка моя. — Д. Л.). Кстати, М. Д. Приселков никогда не был «учеником» А. А. Шахматова, как его часто называют. Его можно считать (с оговорками) лишь последователем Шахматова в некоторых вопросах изучения истории русского летописания.

рые мы добываем из дошедших до нас летописных сводов с тою или другою степенью достоверности. В отношении каждого кусочка Троицкой, отнесенного к первому разряду материалов, т. е. к подлинным выпискам из Троицкой, в примечаниях к реконструированному тексту дается весь доказательный материал и излагаются все соображения о их подлинности¹. В отношении же второго разряда материалов — все соображения о его подлинности М. Д. Приселков дал во вводной статье на основе своих многолетних разысканий по истории русского летописания XIV и последующего веков.

Само собой разумеется, что М. Д. Приселков считал возможным использовать в качестве бесспорного исторического источника лишь первый род материалов, текст которых им отнюдь не реставрировался, а сохранялся в подлинном виде. «Мне думается, — писал М. Д. Приселков, — что в таком виде этот опыт реконструкции утраченного текста Троицкой летописи никого не введет в заблуждение»². Итак, и этот пример ясно показывает, что подлинный текст отнюдь нельзя смешивать с реконструированным³.

★

Итак, реконструкции текстов — это особый способ проверки возможности построения исследований, это способ представить наглядными утверждения и гипотезы исследователя.

Реконструированный текст есть своего рода «макет» текста, восстановленный в своем содержании, идеях, целенаправленности, а не только «очищенный» от позднейших описок и искажений в отдельных своих чтениях. Создавая этот «макет», реконструктор идет от целого к его частям, а не наоборот, как это имело место у adeptov школы К. Лахмана. При этом реконструктор обязан подумать и об «одежде» своей реконструкции — о ее языке. Невозможно смешивать в реконструкциях явления языка разных эпох, вкрапливать в язык позднейший, представляющий собой законченную систему определенной эпохи, элементы языка более раннего, соединять то и другое, соединять орфографические явления второго южнославянского влияния с более древними и т. п. Нельзя также реконструировать древний текст в формах языка более позднего. Последнее возможно только только, когда реконструируется не текст, а содержание исчезнувшего текста.

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 24.

² Там же. (Разрядка моя. — Д. Л.). — К сожалению, однако, текст реконструкции Троицкой летописи постоянно вводит в заблуждение невнимательных исследователей, принимающих реконструкции за издания текстов.

³ См. также: Д. С. Лихачев. Восстановление литературных текстов Древней Руси. — В кн.: Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981.